

ОТРОК

ЦИКЛ
Евгения Красницкого

ОТРОК

Внук сотника

Бешеный лис

Покоренная сила

Перелом

Ближний круг

Женское оружие

Стезя и место

Бабы строим не воюют

Богам – божье, людям – людское

СОТНИК

Беру все на себя

Уроки Великой Волхвы

ЕВГЕНИЙ КРАСНИЦКИЙ

ОТРОК

Богам – божье,
людям – людское

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
К78

Серия «Отрок»
Выпуск 9

Оформление обложки *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

К78 Красницкий, Евгений Сергеевич

Отрок: Богам — божье, людям — людское: роман / Евгений Красницкий. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2017. — 480 с. (Серия «Отрок»).

ISBN 978-5-17-104651-4

Берегись гнева богов, даже если на самом деле их нет: сила их — в вере людской. И чем дальше, тем очевидней становится эта истина для атеиста Михаила Ратникова. Что делать в таком случае? А принять как есть и не забывать об этом, просчитывая мотивации людей, чтобы предугадывать их поступки и использовать их на пользу роду Лисовинов. И оставить богам божье, а людям — людское. Тем более что и без богов забот хватает: только-только вернулась Младшая стража из похода за болота, как уже всему Погорыню и самому Ратному грозит беда от находников. Время отрокам взрослеть, а Мишке Лисовину становиться Сотником. Без скидок на возраст.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-104651-4

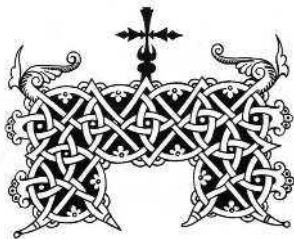
© Евгений Красницкий, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

От автора

Это последняя книга из серии «Отрок». Нет, я не собираюсь расставаться с Михаилом Андреевичем Ратниковым, оказавшимся в XII веке в теле подростка Мишки Лисовина, просто мальчик уже вырос, и повествование о его приключениях будет продолжено в серии книг под общим названием «Сотник». Разумеется, в первые шесть книг вошло далеко не все, что написано мной за прошедшие два с лишним года. Часть «задела», возможно, будет использована мной позже, а два фрагмента размещены в конце этой книги, под общим заголовком «Люди, события, разговоры». В этих фрагментах содержится то, что важно для понимания причин дальнейших событий и для более глубокой прорисовки характеров некоторых персонажей.

Засим, любезный читатель, позвольте оставить Вас наедине с книгой «Богам — божье, людям — людское» в надежде, что она не покажется Вам более скучной, чем предыдущие.

ЧАСТЬ 1

Глава 1

*Август 1125 года. База Младшей стражи,
село Ратное и окрестности*

— **Е**дут!!! — Дударик ворвался в лазарет с таким лицом, будто сообщал о начавшемся в крепости пожаре. В другое время за подобное поведение он получил бы от Юльки... В общем, получил бы, да так, что на всю жизнь зарекся бы заходить без разрешения, но сейчас одно слово «едут» снимало с него любые грехи — в крепости уже несколько дней ждали возвращения первой полусотни Младшей стражи из похода. Юлька, услышав Дударика, замерла возле постели Трифона, которого, под ее присмотром, перевязывала Слана — одна из новых помощниц. Из головы разом вылетели все мысли вместе с планами поведения при первой встрече с Мишкой.

Выручили зашевелившиеся и начавшие подниматься больные и раненые. Привычно цыкнув на пациентов и шуганув Дударика, который и так не собирался задерживаться в лазарете, лекарка, сдерживая себя, нарочито неторопливо ушла в свою каморку и только тут заметалась — вытащила зеркальце, забыла в него глянуть и принялась

искать платок — Мишкин подарок — вовсе не там, где ему надлежало находиться.

Платок, впрочем, нашелся быстро — слишком мало вещей было в каморке. Юлька потыкалась туда-сюда, сама не зная зачем, почувствовала, как горят щеки, убедилась, глянув в зеркальце, что это ей не кажется, и, уже собравшись бежать в сени к кадке с холодной водой, приструнила сама себя, вспомнив уроки матери: лекарка в любых обстоятельствах должна уметь сохранять спокойствие, не показывая ни голосом, ни внешностью, какие чувства ее обуревают.

Немного посидела на постели, закрыв глаза и выравнявая дыхание, пробудила в кончиках пальцев ощущение жара и погнала волны успокаивающего и расслабляющего тепла вверх по рукам. Привычное упражнение с первого раза не получилось — шея не расслабилась, а, наоборот, напряглась, кровь забилась в жилах, еще больше прилила к лицу... Пришлось встряхивать ладонями и начинать все сначала. Со второго захода все вышло, как надо. Юлька неторопливо накинула на плечи переливающийся лазурью шелковый платок, поглядывая в зеркальце, тщательно оправила его, и, сделав несколько глубоких вдохов, неторопливо вышла из лазарета на улицу.

Помощницы — Слана и Полина — были уже тут как тут, нетерпеливо топтались на месте, собираясь бежать к воротам.

— А вы чего здесь? — осадила девиц Юлька. — К больным ступайте, там и без вас обойдутся!

— Так, может, еще раненые будут... — попыталась возразить Полька — мы бы сразу и...

— А без вас их от ворот сюда, значит, не довезут? Пошли! Все для перевязки приготовить и ждать!

Юлька, не оглядываясь на помощниц, двинулась к воротам, сзади чуть слышно донеслось:

— Платок-то нацепила...

— Это ей Михайла подарил...

Только пройдя несколько шагов, Юлька заметила шагавшую через крепостной двор Мишкину мать, которую

сопровождал табунок девок во главе с Мишкиными сестрами — Анькой-младшей и Марией.

— Строга ты с помощницами, строга! — Анна-старшая поощрительно улыбнулась. — И правильно, нечего им у ворот делать! В поход отроков не провожали, возвращения их не дожидались, ночами за благополучие их не молились, подушки слезами не мочили... — Анна Павловна произносила слова ритмично, в такт шагам, и нарочито громко, чтобы слышали девицы, сбившиеся позади нее в маленькую толпу. — Радости встречи достойны только те, кто дожидался, а для остальных это просто зрелище... Мария, ну-ка, поторопи Плаву, что-то я ее не вижу.

Машка повернула было в сторону кухни, но почти тут же из дверей «пищеблока» выплыла Плава, держа в руке расписной ковш. Позади нее обозначился и Простыня в обнимку с объемистым бочонком.

* * *

В Ратном встреча возвращающихся из похода ратников была обставлена выработанным и утвердившимся за многие десятилетия ритуалом. Ратники неторопливо выворачивали из-за края леса, останавливались и, обнажив головы, крестились на колокольню ратнинской церкви. Стояли довольно долго, дожидаясь, пока подтянется обоз, и одновременно давая возможность встречающим собраться у въезда в село. Потом шагом ехали к воротам, чтобы встречающие успели выйти навстречу. У ворот спешивались, снова обнажали головы и вторили молитвам священника, выходявшего вперед из толпы. Все при этом старались не обращать внимания на женщин, не обнаруживших в строю своих родных и торопливо пробирающихся в сторону обоза, везущего раненых и убитых, — радость встречи и благодарственная молитва не должны омрачаться ничем.

Потом будут слезы и причитания, потом сотник и десятники будут ходить по дворам, кланяясь вдовам и сиротам, прося прощения за то, что не сберегли мужей, от-

цов, братьев, сыновей... Потом все село соберется возле церкви на отпевание убитых, и так же все вместе пойдут на кладбище, чтобы предать павших земле. Потом староста привезет на подворья погибших вдовьи доли добычи и хозяйским глазом определит, какая помощь требуется семье, оставшейся без мужских рук.

Все это будет потом, а сначала — радость встречи и благодарности Всевышнему. Жизнь продолжается.

В крепости у отроков не было ни матерей, ни, тем более, жен; раненых обозники привезли раньше: легких сюда, тяжелых в Ратное к Настене, убитых — тоже в Ратное. Однако встретить молодых воинов из первого в их жизни боевого похода надлежало, как следует. Так, чтобы эта встреча запомнилась на всю жизнь и, возможно, стала бы основой нового, своего собственного, отличного от ратнинского, ритуала. Этим Анна Павловна озаботилась заранее, даже провела пару репетиций, правда Юльку на репетиции не звали, и она не знала, где ей вставать и что делать. Анна-старшая, как выяснилось, об этом прекрасно помнила. Подхватив Юльку под руку, она притянула лекарку к себе и негромко сказала:

— Держись рядом со мной. Как только Антон доклад окончит, если захочешь, первая к Михайле подойдешь, — ободряя, слегка напрягла пальцы, которыми держала Юльку за руку, и добавила: — А платок-то, Михайла тогда верно сказал, как раз под цвет глаз.

Слова, казалось бы, приятные, вызвали у Юльки досаду — десятка шагов от лазарета не отошла, а про платок уже дважды услышала, так и будут теперь трепать: для Мишки вырядилась! Хоть снимай да прячь!

— Правильно надела, — Анна снова улыбнулась, теперь уже понимающе. — Михайла его на тебе еще не видел, сразу заметит, порадуется!

Юлька снова ощутила жар на щеках, а губы сами собой начали расплываться в улыбку, но тут внимание Анны-старшей очень вовремя отвлек на себя дежурный урядник Антоний:

— Матушка боярыня! Как Михайлу-то величать теперь? Его же господин сотник... это самое... ну, старшиной-то у нас нынче Дмитрий...

Вести о штурме острога и лишении Мишки старшинства принесли первые раненые, доставленные обозниками в крепость, и для Юльки впервые, сколько она себя помнила, главным стали не забота о пациентах и не сожаление о погибших, а Мишкино несчастье. Именно несчастье, потому что, в понимании юной лекарки, Мишка не мыслил себя отдельно от Младшей стражи. Как же он теперь? За что старик Корзень с ним так обошелся?

Потом, когда привезли раненых из Отишия, все стало еще непонятнее: Мишка, вроде бы уже и не старшина, все равно командовал отроками и даже увел два десятка в самостоятельный поход. Юлька тогда не удержалась и попыталась получить разъяснения у боярыни Анны. Та тоже не скрывала беспокойства за сына, но ответила уверенно:

— Старый Лисовин мудр и знает, что делает. Раз лишил старшинства, значит, это для чего-то было надо!

Правда, уверенности ее хватило ненадолго — вести о ранении Алексея тоже были какими-то противоречивыми: то получалось, что ранен он чуть ли не смертельно, то ранение такое легкое, что старшего наставника Младшей стражи даже не стали перевозить через болото.

В конце концов, уже Юльке пришлось успокаивать Анну, напоминая, что раненым все всегда представляется в мрачном свете, гораздо хуже, чем было на самом деле, а самостоятельный поход опричников вовсе не опасен, иначе дед Мишку ни за что не отпустил бы. Разговор, что называется, сложился — юная лекарка ведовским чутьем уловила некую теплоту, возникающую между ней и Мишкиной матерью, но тут все испортила Анька-младшая, до того радовавшая собеседниц совершенно необычной для нее сдержанной молчаливостью:

— А если Миньку убьют...

Юльку будто пилой по сердцу полоснуло. То, что мысли Аньки-младшей почти целиком заняты туровскими же-

нихами, изнывающими в ожидании ее приезда, было известно всем, то, что весь ум, положенный двум старшим Мишкиным сестрам, почти целиком достался одной Марии — тоже, но ляпнуть такое!

Начисто позабыв материн запрет пугать людей ведовством, не заметив уже занесенную для оплеухи руку Анны-старшей, Юлька вывернула «колдовским жестом» ладонь в сторону Аньки-младшей и прошипела таким тоном, что самой стало жутко:

— Если накаркала, женихи тебе уже без надобности!

Получилось настолько убедительно, что дура Анька, отшатнувшись, аж позеленела, а ее мать так и замерла с поднятой рукой, с трудом произнеся враз побелевшими губами:

— Что ж ты, девонька...

Умна была Анна Павловна, не отнимешь, и прихожанкой у отца Михаила числилась образцовой, но в ведовство и прочие колдовские дела верила безоговорочно.

Кончилось все тем, что в ту же ночь Юлька, впервые в жизни, самостоятельно выступила в роли жрицы Макоши, впервые возглавила проведение обряда. Все девицы, проходящие обучение на Базе Младшей стражи, украсив головы папоротниковыми венками с вплетенными в них Юлькой нужными травами, кружили на лесной поляне, мерцая в лунном свете обнаженными телами, и хором повторяли за юной ведуньей слова оберегающего воинов заговора. Юлька, сама себе удивляясь, по очереди вплетала в колдовской речитатив имя каждого отрока, ушедшего в поход, и девки взмахами еловых ветвей отгоняли от него беду. Удивлялась же юная ведунья тому, что, не зная родовых имен отроков, поминала их христианские прозвания, и это не вызывало у нее никакого внутреннего протеста или неудобства.

И еще одно, совершенно неожиданное впечатление подарила юной лекарке та ночь — понимание того, что ощущает воинский начальник, когда каждому его слову или жесту беспрекословно подчиняются десятки людей.

Поняла, но не возгордилась, а содрогнулась. Вот так посылают на смерть и на убийство. Так послал поп «очистить огнем» то место, где жила семья матери...

* * *

Макошь смилостивилась — Минька возвращается, а Антон спрашивает, как величать старшину, переставшего быть старшиной... Дурак, какое это имеет значение? Главное — вернулся!

— Величать бояричем! — ответила Мишкина мать тоном, мгновенно изменившимся с ласково-покровительственного на командный. Сказала, как припечатала — Антон выпрямился в седле, будто перед сотником.

— Слушаюсь, матушка боярыня!

Развернул коня и погнал его вон из крепости, а Анна-старшая, вновь подобрев, мягко повлекла Юльку к воротам. Этот мгновенный переход — от ласковой покровительственности к командной строгости и обратно — выдернул из Юлькиной памяти недавние материны наставления: «Особенно же не доверяй, если наказанная тобой вдруг ласковой да улыбчивой к тебе станет. Змеиная та улыбка».

Сразу же позабылись и смущение, и привлекающий взгляды платок. Наказала ли она тогда боярыню Анну? Угроза дочери страхом ведовской мести... Потом Анна-старшая беспрекословно отпустила девок на ночную ворожбу, а сама так же беспрекословно осталась дома, поскольку в обряде нельзя участвовать рожавшим женщинам, но...

Юлька вспомнила тяжелые бедра Анны-старшей, «березку» по бокам живота — последствия многочисленных беременностей. Анна — мать, а мать не забудет и не простит угрозы для ее детей, и совершенно неважно, каковы эти дети: умны или глупы, здоровы или больны, малы или уже сами стали родителями. К тому же Анна умна, а это делает ее еще более опасным недругом. И она женщина — именно такая ЖЕНЩИНА, о которой толковала Настена

во время недавних ночных посиделок с дочкой. Алексей, конечно же, видел ее такой — без одежды, но все равно глядит на вдову побратима так, будто никого краше на свете нет.

Юная лекарка вдруг показалась себе такой маленькой и беззащитной рядом с боярыней Анной — сильным, умным и смертельно опасным зверем. На мгновение показалось, что ладонь, мягко поддерживающая под руку, вот-вот, словно рысья лапа, выпустит спрятанные в мягких подушечках загнутые когти.

Анна-старшая, почувствовав, как поежилась подружка ее сына, снова слегка склонилась к ней и заговорила успокаивающим тоном:

— Не бойся ничего, все хорошо будет. Я тоже, когда своего первый раз из похода встречала, ног под собой не чувяла. И не думай о том, что все на тебя глядят — как только отроки появятся, каждая своего высматривать станет, о тебе и вообще обо всем позабудут.

Ни доверительный тон, ни ободряющие слова не действовали. Скорее, достигли обратного результата — захотелось к маме, к такой мудрой, доброй, сильной, почти всемогущей жрице Пресветлой Макоши... Но мама далеко и ей нужна Юлькина помощь здесь, в крепости, потому что Минька... Минька! Он тоже иногда смотрит так, как Алексей на Анну! Он защитит, он... и еще Крестильник в нем! Да! Пусть увидит платок, поймет, что ждала, что нарочно берегла подарок для подходящего случая!

Вторую полусотню Младшей стражи недавно забрали из крепости, для того, чтобы они помогли гнать от боло-та трофейных коней и конвоировать полон, поэтому за крепостным рвом, напротив паромной переправы, выстроилось всего около трех десятков отроков. Все были в блестящих на солнце, начищенных доспехах, на ухоженных конях. Тут же высились в седлах наставники Прокоп и Тит, а Филимон и Макар, не способные из-за увечий ездить верхом, стояли в сторонке, у самого моста через

ров. Перед строем гарцевал урядник Антоний, нетерпеливо оглядываясь на отчаливающий от противоположного берега Пивени паром.

— Ну вот, — удовлетворенно произнесла Анна-старшая, — как раз вовремя подоспели. Девки, не толпитесь, встаньте вдоль моста рядком, да не высовывайтесь, проезд не загораживайте! Простыня, вскрывай бочонок... да не здесь, вот тут поставь! Плава будет ковшом зачерпывать и мне подавать... да что вы, как в первый раз, дважды же пробовали! Маришка, подол отряхни, где уже угваздаться умудрилась? А ты волосы поправь... помогите ей, сама-то не видит! Так! Хватит вертеться, стоять смирно, косы наперед, через левое плечо!

Властный голос боярыни Анны оказал прямо-таки чудодейственное влияние: строевых команд вроде бы не прозвучало, но полтора десятка девиц после короткой суеты изобразили не менее четкое построение, чем «курсанты» воинской школы.

Пока Анна-старшая распоряжалась, Юлька бочком отошла от нее и пристроилась рядом с согнутым, опирающимся на клюку, наставником Филимоном.

— Как новая мазь, дядька Филимон, помогает?

— Спаси тя Христос, девонька! Как огнем прожигает, райское блаженство познал! — Наставник улыбнулся щербатым ртом и хитро подмигнул. — Кабы матушка твоя еще и такую же крепкую бражку делать умела, цены бы ей не было.

— Кому? Матушке или бражке?

Не улыбнуться в ответ инвалиду, сумевшему, несмотря на увечье, сохранить веселость нрава, было невозможно.

— А обеим! Так бы и лечился: мазью снаружи, бражкой изнутри! Таким бы молодцом стал, глядишь, и к тебе бы посватался... ежели б Михайла попустил. О! Гляди, приплыл сокол твой ясный.

Паром действительно ткнулся в берег, и первыми с него съехали Михайла и Алексей. Оба были без доспеха, оба сидели в седлах как-то неловко — неестественно

прямо, а у Михайлы вдобавок еще и висела на перевязи левая рука.

— Э-э, зацепило, видать, твоего ненаглядного, что-то он... — начал было комментировать увиденное Филимон, но договорить ему не дали.

«Слушайте все!» — запел с самой высокой части недостроенной крепостной стены рожок Дударика.

— Равняйся! Смирно! — что было мочи скомандовал Антон. — Равнение на середину!

И тут, ломая весь торжественный ритуал, откуда-то из-за штабеля досок выскочила Красава, тянущая за руку Савву. Малец не очень-то и спешил, видимо, не понимая, куда тащит его внучка волхвы, но потом разглядел отца и сам припустил быстрее Красавы. Подбежал к коню Алексея, вытянул вверх ручонки, и старший наставник Младшей стражи, нагнувшись с седла, подхватил сына и усадил его перед собой. При этом поморщился так, что сразу стало ясно: после ранения это далось ему очень нелегко. Красава подскочила к коню Мишки, но глянув на всадника, поняла, что подхватить ее, так же как Алексей Савву, Михайла не сможет, даже если бы очень этого захотел. Ухватилась за стремя и прижалась к сапогу (выше не доставала) щекой.

Юлька дернулась, чтобы уйти — посмотреть на то, как эта мелкая гадюка льнет к Михайле, было выше ее сил, но Анна Павловна удержала юную лекарку, прихватив за рукав цепкими пальцами.

— Погоди, девонька, не горячись, сейчас увидишь: как прибежала, так и убежит.

Боярыня оказалась права: Михайла что-то коротко сказал Красаве и, подавшись корпусом вперед, толкнул коленями Зверя, заставив его пойти легкой рысцой навстречу коню урядника Антона. Красаве хватило ума не тащиться за стремянем, чтобы потом неуместно торчать у всех на виду во время доклада. Но и остаться на месте тоже не получилось: сначала Алексей махнул на нее рукой, будто отгоняя муху, потом и сама сообразила убраться из-под